КАРТИНЫ ИЗЪ РУССКАГО БЫТА

ЖЕНИХЪ

Тарантасъ во весь духъ подкатилъ къ станціонному дому; сѣдокъ выскочилъ изъ него въ одинъ прыжокъ, и бранный крикъ, звонкій и голосистый, полился тутъ же на всѣ стороны, точно будто продолженіе только–что замолкшаго колокольчика. Опытный смотритель, выглянувъ изъ–за косяка въ самый край оконнаго стекла, схватилъ поспѣшно книгу и исчезъ съ нею во внутренніе покои, то–есть въ третью комнату, съ выходомъ на заднее крыльцо; ямщики, показавшіеся–было тутъ и тамъ, остановились въ отдаленіи, глядя на проѣзжаго и не рѣшаясь, приступить ли ближе и спросить, не велятъ ли смазать, или ужь лучше не соваться и переждать грозу.

Проѣзжій бросился на перваго встрѣчнаго и, ухвативъ его за воротъ, съ

лютою назойливостью и угрозами требовалъ лошадей; баба высунулась изъ окна и, заревѣвъ на весь бѣлый свѣтъ, кричала: «Господь съ тобою, не бей его! это не здѣшній: онъ ничего не знаетъ». Проѣзжій кинулся къ бабѣ, и «нездѣшній» (хотя это и былъ одинъ изъ ямщиковъ) бросился во дворъ и скрылся. Баба, въ свою очередь, исчезла у окна, и проѣзжій остался–было въ недоумѣніи; но, оглянувшись и увидавъ, что все было вокругъ пусто, что даже привезшій его ямщикъ, отложивъ н÷скоро лошадей, куда–то пропалъ, принялся снова кричать и гаркать, бросился во дворъ и подъ навѣсъ, въ конюшню; здѣсь онъ только–что успѣлъ увидѣть, что отъ вступительныхъ его привѣтствій толпа ямщиковъ бросилась вонъ, въ заднія ворота; посрединѣ стояла покинутая, до половины охомученная тройка. Проѣзжій зарыкалъ въ неистовствѣ. Голосъ какого–то старика обозвался наконецъ гдѣ–то въ темномъ углу: «Полно, баринъ; лошади готовы; гляди, вотъ вѣдь ты самъ разогналъ ямщиковъ. Иди съ Богомъ, приведемъ

сейчасъ.» — «Чтѣ?» заревѣлъ этотъ, будто его что ужалило: «грубить! и ты грубить! Постой, гдѣ ты тамъ?» и кинулся въ ту сторону, откуда слышалъ голосъ. Но подъ ноги попался ему мальчишка, ростомъ вполчеловѣка, съ дугой и вожжями. «Что, и ты ямщикъ?» закричалъ проѣзжій голосомъ, будто взялъ въ плѣнъ англичанина: «и ты ямщикъ?» продолжалъ онъ, встряхивая его за шиворотъ, такъ–что колокольчикъ звенѣлъ подъ дугой: «и ты ямщикъ, ямщикъ?» Мальчишка повернулся бокомъ, вывернулся какъ–то послѣ первой встряски, бросивъ тутъ же дугу и вожжи, и кинулся бѣжать. Храбрый непріятель насѣлъ–было на него въ одинъ прыжокъ; но этотъ, видно также не совсѣмъ разиня, очутился подъ телегой и только шелестъ соломы, вскорѣ также затихшій, убѣдилъ наступника въ томъ, что мальчишка скрылся въ неприступную твердыню — въ темный и грязный уголъ, подъ ворохъ саней и ломаныхъ телегъ.

Растерявшись нѣсколько въ незнакомой ему мѣстности, проѣзжій сталъ

оглядываться среди залповъ проклятій своихъ, но не могъ опознаться, изъ какого именно закоулка слышался ему, до послѣдняго приключенія, голосъ старика. Конюшня опустѣла; ни души не видно; лошади, съ полунадѣтыми на нихъ шлеями, стоятъ; дуга и вожжи лежатъ на землѣ. Скорыми, машистыми шагами пустился онъ на дворъ и въ избу отъискивать смотрителя. Изба оказалась пустою; онъ только слышалъ толкотню и хлопанье дверей впереди себя за двѣ и за три комнаты, но не могъ никого настигнуть: комнаты вели, черезъ сквозныя сѣни, кругомъ. Употребивъ военную хитрость и оборотившись вдругъ среди настойчиваго преслѣдованія своего въ противную сторону, храбрый налётъ едва не столкнулся со всего разгону съ тою же бабой, которая уманила его въ окно отъ перваго ямщика; онъ до–того обрадовался этой встрѣчѣ послѣ столькихъ безуспѣшныхъ поисковъ, что совсѣмъ–было вцѣпился въ добычу свою обѣими руками, но, озадаченный обезображеннымъ

видомъ ея, остановился: шлыкъ на боку, полкосы растрепано; дикій взглядъ и такая попытка, будто бѣдная баба уходила по зрячему отъ медвѣдя. «Что жь лошадей? Смотритель гдѣ? Что жь мнѣ лошадей?» кричалъ онъ голосомъ, отъ котораго баба тщетно старалась уклониться то вправо, то влѣво. «Что жь лошадей?» продолжалъ онъ, и, зная за собою неумѣстную въ этомъ случаѣ слабость, положилъ, изъ предосторожности, обѣ руки въ карманы, и тогда только, наконецъ, замѣтилъ, что онъ тромбономъ своимъ покрывалъ и заглушалъ отвѣтъ испуганной хозяйки «нездѣшняго» ямщика, что–де оглянись, батюшка, да поѣзжай съ Богомъ: лошади давно готовы. И въ–самомъ–дѣлѣ, ямщики будто того только и ждали, чтобъ сердитый баринъ вышелъ изъ конюшни, а можетъ–быть и спасшійся на задній дворъ смотритель ускорилъ дѣло; лошади были заложены.

Проѣзжій выбѣжалъ какъ угорѣлый и, продолжая изрыгать проклятія и угрозы, далъ своему тарантасу съ–разбѣгу такого немилосердаго толчка, что кузовъ крякнулъ

и закачался; потомъ обошелъ съ другой стороны и сдѣлалъ то же, къ крайнему изумленію и очевидному удовольствію собравшихся теперь въ полной наличности зрителей, ямщиковъ и другаго народа. Это, изволите видѣть, капитанъ производилъ какой–то дорожный опытъ прочности и остойчивости своего тарантаса. Наконецъ онъ сѣлъ и поѣхалъ. Никто не безпокоилъ его просьбой на водку, а смотритель поглядѣлъ только изъ–за оконнаго косяка.

Оправившись нѣсколько на сидѣньи, прокричавъ: «пошелъ!» съ приправой доморощеной соли, и оглянувшись самодовольно во всѣ стороны, капитанъ вдругъ затянулъ сильнымъ и звучнымъ, хотя и дикимъ голосомъ, какой–то романсъ; костоломный толчокъ внезапно прекратилъ голошенье это, съ значительнымъ укушеніемъ языка. Но романсъ до–того укротилъ неистоваго воина, что онъ только воспользовался этимъ невольнымъ перемежкомъ для разгульнаго подстрекательства ямщика, съ присвистомъ и даже съ обѣщаніемъ на

вино. Остальную часть перегона капитанъ пытался пропѣть съ чувствомъ хотя одно четверостишіе или колѣнцо, отъ кочки до кочки, отъ толчка до толчка, но какъ и это оказалось неисполнимымъ, то онъ замолкъ, пережевывая укушенный языкъ свой, хотя, какъ храбрый офицеръ, никогда не обращалъ большаго вниманія на какую–либо тѣлесную боль. Вскорѣ ямщикъ пустилъ во всѣ лопатки и осадилъ лошадей, протащившихъ тарантасъ на вожжяхъ отъ подъѣзда станціи до угла забора.

Здѣсь проѣзжій нашъ будто переродился. Онъ не выскочилъ кувыркомъ изъ тарантаса, не ворвался опрометью въ домъ, не разсыпался проклятіями и угрозами, а вошелъ съ извѣстной осанкой, вытянулся охорашиваясь, вошелъ скромно, хотя и твердымъ шагомъ, въ домъ и, встрѣтивъ человѣка въ сюртукѣ почтоваго вѣдомства, полюбопытствовалъ узнать, для порядка, онъ ли смотритель. На утвердительный отвѣтъ капитанъ принялъ видъ строгаго, но на сей разъ снисходительнаго начальника, и сказалъ

голосомъ и удареніемъ, недопускавшими ни отговорокъ, ни возраженій: «Вы мнѣ самоварчикъ; да почиститься и помыться надо; да вели, братецъ... прикажите обмыть хорошенько дорожный экипажъ мой: я въѣзжаю въ городъ и притомъ, пожалуйста, распорядись». Потомъ капитанъ вошелъ въ слѣдующую комнату и растянулся.

И на станціи, съ которой уѣхалъ путникъ нашъ, вслѣдъ за нимъ ямщики долго еще скоморошили на всѣ лады, показывая поочередно передъ хохочащею навзрыдъ толпою, какъ проѣзжій выскочилъ, какъ вбѣжалъ, бѣсновался, вскрикивалъ въ–припрыжку, торопился саженными шагами, не зная куда и зачѣмъ, какъ онъ давалъ угонки каждому встрѣчному, и, наконецъ, вызвавъ мальчишку, заставили его показывать въ лицахъ, какъ онъ ушелъ отъ сердитаго барина на карачкахъ, подъ складъ телегъ и саней, какъ баринъ на него зарился, а онъ, въ потьмахъ и подъ костромъ телегъ, показывалъ ему языкъ. Все это многихъ и долго потѣшало.

Между–тѣмъ, укрощенный близостью города и пріятнаго общества, герой брился, мылся, стригся, чистился буквально съ ногъ до головы; изъ занятой имъ комнаты только и раздавалось на весь домъ: «эй, воды!» и вслѣдъ за тѣмъ вода эта выплескивалась изъ тазовъ и рукомойниковъ въ окно, и опять раздавалось рѣзко и отчетисто, какъ командныя слова: «эй, воды!» Бѣдная смотрительша сбилась съ ногъ и бѣгала взадъ и впередъ, приговаривая: «ахъ ты, Господи, что это за напасть!» но не хотѣла огорчить и разсердить пріѣзжаго позднимъ отказомъ, чтобъ не лишиться заработаннаго уже, по ея разсчету, хорошаго вознагражденія за свѣтъ, за тепло, за воду, за посудину, за самоварчикъ и за безпокойство. Наконецъ чистка кончилась, дверь во внутренніе покои растворилась настежь и капитанъ предсталъ во всемъ блескѣ красоты своей и величія. Тогда былъ внесенъ и раздѣланъ чемоданъ, а изъ тарантаса взятъ своеручно поставецъ, отъ котораго ключикъ оказался на шеѣ хозяина; изъ поставца достали склянку съ

золотымъ ярлыкомъ и началось кропленіе, спрыскиваніе и натираніе духами не только личности или особы капитана, но и всей одежды и даже бѣлья въ чемоданѣ. Нестерпимое благовоніе разлилось не только по всему дому, но повалило клубомъ въ растворенныя окна и перегородило поперегъ улицу. Прохожихъ, съ непривычки, сильно ошибало, а капитанъ Пѣтушковъ съ усладою дышалъ и плавалъ въ этой околицѣ. Вымытому зƒ–ново тарантасу не досталось ни одного пинка.

По отъѣздѣ капитана съ этой станціи, дѣла представились въ слѣдующемъ видѣ: смотритель стоялъ на крыльцѣ и вертѣлъ въ пальцахъ гривенникъ, разглядывая его съ такимъ вниманіемъ, будто ему попалась въ руки вещь незнакомая, загадочная, и притомъ такихъ крошечныхъ размѣровъ, что ее почти между пальцевъ не видно. За нимъ, сбоку, стояла смотрительша съ засученными рукавами и жалобно пищала, что она бы давно плюнула да отошла, кабы знала, какого пера соколикъ этотъ; что она и ногъ подъ собою не слышитъ, и руки

отшибла, и плечи отмахала ему въ услугу, а онъ, безстыдникъ этакой, вонъ чтъ дѣлаетъ! Передъ смотрителемъ стояла толпа ямщиковъ и шарила за умомъ–разумомъ въ затылкахъ своихъ. Они обмывали и окачивали тарантасъ и также увѣряли, что работы за этимъ дѣломъ было много. «И грязь–то невѣсть отколь на немъ завезена» замѣтилъ одинъ, для болѣе–рѣзкой выставки заслугъ своихъ: «такъ и вѣзлась». Оставимъ ихъ въ этомъ недоумѣніи и послѣдуемъ за своимъ героемъ.

Вечеръ; свѣчи поданы. Капитанъ сидитъ нѣсколько на отшибѣ среди общества обоего пола и самодовольно улыбается. Онъ какъ–то держитъ ушки на макушкѣ, нетерпѣливо выжидая большой затиши въ бесѣдѣ, готовый крякнуть, какъ только приличіе это позволитъ, и принять также участіе въ разговорѣ. Его выписала въ городъ этотъ старуха–тётка, ввела въ домъ и предоставила ему искать своего счастья ловкостью обращенія и изяществомъ бесѣды.

— А горло у васъ не болитъ, сударыня? спросилъ онъ, наклонившись нѣсколько впередъ, одну изъ дѣвицъ, дочь хозяйки.

— Нѣтъ, не болитъ, отвѣчала та, не понимая, куда этотъ вопросъ клонится.

— И у матушки вашей не болитъ?

— Нѣтъ, не болитъ.

— Ну, продолжалъ тотъ, щелкнувъ языкомъ, голосомъ, изъявлявшимъ крайнее сожалѣніе: — а у меня есть превосходное средство отъ горла, отъ насморка, и отъ колики есть...

На гостя покосились, но разговоръ продолжали попрежнему. Выждавъ приличную минуту, капитанъ опять крякнулъ и сказалъ:

— Я хотѣлъ вамъ доложить, что я пріѣхалъ сюда, или, то-есть прискакалъ въ тридцать-семь часовъ. Года три тому, какъ я былъ переведенъ въ Малиновскій Полкъ, я прискакалъ въ сутки... позвольте, чтобъ не соврать...

Онъ призадумался, наморщилъ брови, и началъ про-себя считать версты на-умахъ, но общій говоръ занялъ и отвлекъ всѣхъ

отъ этого замысловатаго счета и отъ счетчика, такъ–что докладъ этотъ остался неконченнымъ. Капитанъ передернулъ плечами, но пріятная и самодовольная улыбка не сплывала съ лица его. Онъ пріосанился, оглянулся, и ему показалось, что онъ напрасно присѣлъ въ двухъ шагахъ отъ остальнаго, дружнаго общества. Пододвинувъ стулъ свой поближе, онъ опять, улучивъ время, крякнулъ и въ недоумѣньи, или, лучше сказать, въ увѣренности занять всѣхъ пріятнымъ разсказомъ, началъ такъ:

— Разъ я, сударыня, былъ на цѣпи...

Невольный хохотъ послышался тутъ и тамъ, и одна изъ дамъ спросила:

— К÷къ, на цѣпи? кто жь васъ посадилъ на цѣпь?

— Нѣтъ, продолжалъ капитанъ Пѣтушковъ, то–есть я хотѣлъ сказать въ цѣпи, въ застрѣльщ√кахъ.

— Да, это другое дѣло, отвѣчала дама: — вы насъ простите, мы этого дѣла не понимаемъ.

И опять кто–то вмѣшался въ бесѣду, и капитанъ остался за штатомъ. Нисколько не унывая, онъ окинулъ потолокъ глазами, потомъ, не измѣняя благообразнаго лица своего, окинулъ всѣхъ собесѣдниковъ радушною улыбкою, подобралъ самодовольно подбородокъ и съ невозмутимымъ терпѣніемъ выждалъ своей очереди.

— Когда мы задавали феферу туркѣ, началъ онъ...

И опять уже, противъ всякаго чаянія и желанія, долженъ былъ покончить на этомъ небольшомъ отрывкѣ разсказъ свой, потому–что дамы не поняли, что такое онъ задавалъ, а впродолженіе объясненій его, рѣчь зашла уже о другомъ и никто его не слушалъ.

Словоохотливый капитанъ Пѣтушковъ не разъ на вѣку своемъ пріятно занималъ общество, и потому, конечно, не безъ причины считалъ себя такимъ собесѣдникомъ, которому не стыдно явиться въ любое собраніе. Итакъ, онъ въ себѣ не сомнѣвался, а между–тѣмъ,

неудача становилась и для него самого довольно–очевидною.

«Эка задача!» подумалъ онъ: «По новому знакомству, не зная людей, конечно, съ–разу не угадаешь, чѣмъ ихъ потѣшить; видно здѣсь не привыкли къ нашему брату, военному, а пробавляются въ бесѣдахъ, вотъ какъ и теперь, между собою, все больше пустяковиной. Что жь, мы не ударимъ въ грязь лицомъ и на этомъ. Постоимъ за себя. Можно пустить этакъ скандачка съ языка и на другой ладъ.»

И за словомъ или за думкой этой онъ привсталъ, обтянулъ на себѣ мундиръ, принялъ почтительное положеніе и сказалъ:

— Можетъ–быть, сударыня, вамъ угодно съиграть въ фанты...

Эта несчастная, хотя и вполнѣ–невинная выходка, окончательно подрѣзала бѣднаго Пѣтушкова. Все общество, отъ мала до велика, такъ или иначе, выразило, хотя и не словами, убѣжденіе свое, что гость этотъ не шутя сидѣлъ гдѣ–нибудь на цѣпи и, по недосмотру сторожей своихъ, сорвался. Незадача — какъ называлъ онъ самъ

впослѣдствіи вечеръ этотъ — не ушла даже и отъ его проницательности. Не потерявъ нисколько самоувѣренности, онъ, однакожь, очутился какъ–то не въ своей тарелкѣ, не пытался болѣе занимать общество, которое привыкло къ одной пустяковинѣ, прошелся нѣсколько разъ звучно по комнатѣ, крякалъ ничѣмъ не стѣсняясь, думалъ–было еще предложить, не угодно ли приказать ему спѣть романсъ, но разсудилъ, что лучше оставить припасъ этотъ въ запасѣ, до другаго раза, тѣмъ болѣе, что ему сегодня незадача. Расшаркавшись очень–живописно и шумно на всѣ стороны, поднявъ этимъ по–неволѣ всѣхъ на ноги и сказавъ почти каждому что–нибудь пріятное, капитанъ Пѣтушковъ отправился домой, къ тёткѣ.

Ночью онъ видѣлъ весьма–нехорошій сонъ, отъ котораго всталъ утромъ не въ–духѣ, но былъ кротокъ и тихъ, какъ приличествуетъ въ чужомъ домѣ. Это вынужденное созерцательное положеніе навело его на умъ. Когда тётушка встала, кофе былъ поданъ, и онъ приложился къ

рукѣ и разузналъ обстоятельно, каково тётенька изволила почивать, то, не любя откладывать дѣла, онъ сказалъ на–прямикъ:

— Незадача мнѣ, тётенька, у Гужевыхъ, да и не нашъ край; это, воля ваша, пустяковина: примѣромъ сказать, не тѣ люди. Я не боюсь, тётенька, то–есть могу сказать, что не боюсь пройтись по какому угодно обществу, а тѣмъ паче, что касается... я самъ это всегда любилъ — сами знаете; видѣли мы и свѣтъ и людей и въ полку считались отборными. А лучше, тётенька, потолкуемте по купеческой части, то–есть потрудитесь высватать у Веретенниковыхъ.

Тётенька согласилась на это съ удовольствіемъ и черезъ часъ отправилась самолично въ этотъ домъ, о которомъ, ради выбора ему говорила, объяснивъ, что у Гужовыхъ надо ему напередъ заискивать самому, тамъ за глаза не отдадутъ, а у Веретенникова, по старому простому обычаю, дѣло легко покончить и достаточно познакомиться на смотринахъ. Лукавый

подбилъ капитана Пѣтушкова сунуться напередъ туда, гдѣ предстояло брать грудью; это, конечно, и приличнѣе храброму офицеру; но послѣ незадачи, пустяковины и нехорошаго сна, онъ передумалъ.

Послѣ первыхъ привѣтствій, тётенька у Веретенниковыхъ сочинила масляные глазки и объявила, что пріѣхала за дѣльцемъ. Груню выслали вонъ; но, само собой разумѣется, что она стала за дверьми и прислушивалась, между–тѣмъ, какъ двѣ дѣвки во все время терлись то за тѣмъ, то за семъ, въ гостиной. У Веретенниковыхъ было жениха съ два на примѣтѣ, и одному изъ нихъ, который передъ ними всѣмъ взялъ и даже нравился невѣстѣ, сегодня вечеромъ назначено было смотрѣть ее, но не гласно, а тайкомъ; она видывала его хоть въ окно, а онъ не зналъ ея еще въ глаза. Но осторожные родители не сочли благоразумнымъ отгонять добрыхъ людей, доколѣ дѣло не было еще рѣшено и могло разстроиться. Они просили подумать, потому–что дочь еще молода, но, узнавъ,

что долго думать нельзя, по короткому сроку отпуска капитана, просили сперва познакомиться. Настояніе тётеньки, чтобъ знакомство это послѣдовало сегодня, нѣсколько ихъ было–затрудняло; но и тутъ родители разсудили, переглянувшись, что одно дѣло другому не мѣшаетъ, согласились и на это, и просили пожаловать къ вечернему чаю.

Капитанъ Пѣтушковъ пропѣлъ за это тётенькѣ новый романсъ, положенный, какъ онъ выразился, на маршевую музыку, и принялся душиться. Водки онъ не пилъ, и погребчикъ или поставецъ его былъ весь наполненъ стекломъ этого разбора. Лаванъ, колонь, амбрѣ и разныя помады занимали порядочный ларецъ. Въ ожиданіи столь–пріятного вечера, Пѣтушковъ потѣшалъ тётеньку весьма–замѣчательными бесѣдами. Онъ, между–прочимъ, объяснилъ ей въ подробности, какой мошенникъ былъ у нихъ каптенармусъ, а между–тѣмъ онъ былъ любимецъ полковника; какое дивное средство у него есть отъ горла и отъ колики есть, и

называлъ его за это «фактомъ»; еще сообщилъ ей, что приклады новыхъ ружей у нихъ чрезвычайно–круты, почему ихъ неудобно держать подъ прикладъ, и полагалъ, что англичанинъ подкупилъ мастера и далъ за это мильйонъ. «Что ему значитъ мильйонъ?» прибавилъ онъ, когда тётушка отъ изумленія всплеснула руками: «мильйонъ ему ничего не значитъ» — и, въ доказательство, вздернулъ и опять опустилъ плечи, крякнулъ и запѣлъ трубнымъ гласомъ другой романсъ, еще лучше перваго, но положенный не на маршевую, а на простую музыку.

Въ такой пріятной бесѣдѣ время прошло скоро и стало близиться къ шести часамъ, къ смотровой порѣ. Собрались и пошли, съ тётенькой подъ–ручку и, на всякій случай, съ тетрадкой отборныхъ, списанныхъ стишковъ въ карманѣ.

У Веретенниковыхъ встрѣтили жениха чинно и радушно и все упрашивали садиться и не безпокоиться, приговаривая: «помилуйте!» Сидѣли въ гостиной; дверь въ жилыя комнаты была притворена; шла

пріятная бесѣда, въ которой здѣсь никто не опиналъ капитана, да и онъ не спотыкался; рѣчи лились рѣкой. Вдругъ двери распахнулись настежь и вошла хозяйская дочь, очевидно, къ этому торжественному случаю нѣсколько–подготовленная; она была въ бѣломъ платьѣ со множествомъ огромныхъ розовыхъ бантовъ, ладонь шириною, и въ алмазныхъ серьгахъ. Пѣтушковъ вскочилъ, подошелъ къ ручкѣ, шумно представился ей какъ тётенькинъ племянникъ и, упросивъ ее садиться, тотчасъ же продолжалъ:

— Какой пріятный городъ это! Вы давно изволите въ немъ проживать?

— Мы не выѣзжали; я здѣсь и родилась.

— Много чести для города и должно быть очень–пріятно... А мы, такъ вотъ все шатаемся, конечно, очень понимая насчетъ высокой цѣли... Можетъ–быть, вамъ, сударыня, неизвѣстно, что я едва не погибъ во цвѣтѣ лѣтъ?

Въ то время женщина, явившаяся въ дверяхъ внутреннихъ покоевъ съ какими–то тревожными, таинственными знаками,

вызвала хозяйку, которая тотчасъ же увела за собою дочь, между–тѣмъ, какъ капитанъ продолжалъ съ большимъ одушевленіемъ и молодецкими ухватками объяснять хозяину опасныя похожденія свои. Оставимъ ихъ и послѣдуемъ за невѣстой.

Со двора приставленные люди дали знать, что пришелъ женихъ, которому обѣщано было сегодня показать подъ рукою невѣсту. Негласныя смотрины эти происходили такимъ–образомъ: женихъ введенъ былъ въ сѣни и поставленъ въ темномъ углу, подъ лѣстницей; невѣста вышла, съ двумя провожатыми, у которыхъ были свѣчи; одна изъ женщинъ шла впереди, другая позади невѣсты, смѣло освѣщая ее съ ногъ до головы, потому–что въ невѣстѣ этой не было никакого видимаго изъяна или порока — ни хромоты, ни бѣльма, ни косаго бока. Она подошла къ большому шкапу, отперла его и стала тамъ перебирать что–то, по хозяйству; минуты черезъ двѣ заперла его и шествіе тѣмъ же порядкомъ возвратилось въ покои.

Но, несмотря на непорочность невѣсты, прихотливый женихъ, не говоря ни слова, вышелъ изъ сѣней, какъ–только продѣлка эта кончилась, и скорыми шагами отправился–было со двора. Здѣсь добрые люди перехватили его, требуя привѣта и отвѣта. Упрямый женихъ, какъ видно, нѣсколько разочарованный смотринами, либо ужь опытный въ дѣлахъ этого рода, махнулъ только рукой и хотѣлъ продолжать путь. Ему заступили дорогу, убѣждая объясниться и обдуматься, не обижать добрыхъ людей такимъ недобрымъ уходомъ, а въ то же время старый прикащикъ успѣлъ уже потолковать съ хозяиномъ и, выскочивъ изъ дома, молвилъ вполголоса (вообще и вся бесѣда эта велась скромно и тихо), что–де хозяинъ походу кладенъ: онъ пять тысячъ прибавляетъ къ пачкѣ, изъ уваженія къ тому только, что сама невѣста предпочла его прочимъ соискателямъ. Молодой человѣкъ какъ–будто призадумался въ нерѣшимости, но видимо склонялся на выгодное предложеніе; старый прикащикъ, послѣ

нѣсколькихъ зазывныхъ поклоновъ, взялъ его почтительно подъ–руку и ввелъ опять съ задняго крыльца въ домъ. Тутъ провели его тихонько въ небольшой покойчикъ, гдѣ его встрѣтилъ и усадилъ хозяинъ; дѣло кончено было въ немногихъ словахъ. Веретенниковъ подтвердилъ условія, назначилъ на все приличное время и сроки, обнялся трижды съ будущимъ зятькомъ своимъ и, проводивъ его до крыльца, возвратился опять въ гостиную.

Здѣсь капитанъ Пѣтушковъ, не обращая никакого вниманія на весьма–замѣтную суматоху, на чередной уходъ то матери невѣсты, то отца, ни на шопотъ ихъ и разные, въ семейномъ кругу понятные знаки, продолжалъ раскидывать врознь, въ живописномъ, хотя и угловатомъ порядкѣ, всѣ члены свои и порывисто, звучнымъ голосомъ, опрастывался постепенно отъ припасенныхъ на сей вечеръ достопримѣчательностей. Построивъ на столъ батарею, онъ съ такимъ жаромъ объяснялъ разницу между кюветомъ и барбетомъ, что не взвидѣлъ передъ собою

свѣта и столкнулъ со стола свѣчу. Этотъ нечаянный случай заставилъ его нѣсколько опомниться и угомониться; онъ освѣдомился объ Аграфенѣ Тимоѳеевнѣ, дочери Веретенникова, которая, съ–тѣхъ–поръ, какъ мать ее вызвала, болѣе не показывалась. «Должно–быть, у нея маленько головушка побаливаетъ» отвѣчалъ старикъ: чуть ли она ужь и не прилегла ли». Этотъ отвѣтъ послужилъ сметливой тётенькѣ не только прямымъ намекомъ на то, что пора имъ убираться изъ гостей домой, но и былъ принятъ ею, какъ рѣшительный отказъ племяннику, что и подтвердилось при объясненіяхъ ея съ хозяйкой на слѣдующее утро.

Капитанъ Пѣтушковъ тутъ ничего не понималъ, а былъ случаемъ этимъ озадаченъ еще болѣе, чѣмъ первымъ. Въ самомъ–себѣ онъ былъ увѣренъ, какъ–нельзя болѣе, и вѣры этой не могла поколебать никакая неудача; почему онъ всю вину свалилъ на неспособную къ такимъ тонкимъ дѣламъ тётеньку и выѣхалъ изъ маленькаго городка точно въ такомъ же

расположенiи духа, въ какомъ былъ на той станцiи, гдѣ кормилъ тарантасъ свой пинками. Весь первый перегонъ проскакалъ онъ стоя, погоняя во все время ямщика, на станцiяхъ оралъ и бѣсновался съ такимъ неистовствомъ, что къ вечеру сдѣлался вовсе безъ голоса, и бесѣдовалъ уже не иначе, какъ подымая то правый, то лѣвый кулакъ выше головы, въ родѣ телеграфа.

В.ДАЛЬ